

Маша Катина

В доме отца окна не закрывали

Маша Катина

В доме отца окна не закрывали

«Автор»

2026

Катина М.

В доме отца окна не закрывали / М. Катина — «Автор», 2026

Вчера — примерная учительница литературы. Сегодня — изгнанница без денег и будущего. Я уехала в глухую деревню, чтобы восстановить заброшенный отцовский дом и сдать его богатому горожанину. Днем я — его незаметная прислуга. Ночью по собственной воле я надеваю маску и прихожу в его постель. Узнает ли он во мне скромную горничную? И какую цену мне придется заплатить, когда маски будут сорваны?

© Катина М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Маша Катина

В доме отца окна не закрывали

Глава 1

Меня выкинули с работы.

«Вы понимаете, что этот малолетний мерзавец подстерегал меня после уроков? Вы понимаете, ЧТО он мне говорил? — я почти задыхалась от возмущения, обращаясь к женщине за столом. — Я не знаю, где он набрался этой гадости! Откуда у четырнадцатилетнего ребенка такие знания об интимной жизни? Я не могу это даже повторить! Это стыдно!»

В ушах я слышала не собственный голос, а бешеный стук пульса. Щеки горели. Мне катастрофически не хватало воздуха.

Да-да, я хотела обсудить ситуацию с Никитой. Собиралась. Но не знала, как подойти к этой теме. И вот все произошло само, в худшем из возможных вариантов.

С самого утра меня вызвали к директору школы. Я даже не успела забежать в учительскую и оставить сумочку. Теперь я нелепо сжимала её в руках, словно пытаюсь скомкать твердый кожаный комочек. Мне не предложили сесть, поэтому я так и стояла посреди директорского кабинета на негнувшихся ногах.

Ольга Сергеевна была взбешена. Она по-мужски резко дернула ящик стола, вытащила пачку сигарет и закурила прямо в кабинете, даже не потрудившись открыть окно.

Пока она выпускала едкий дым, я продолжала говорить срывающимся голосом, понимая, что уже повторяюсь и выгляжу жалкой.

— Стоп, — наконец оборвала меня Ольга Сергеевна, глухо стукнув зажигалкой по столу. — Мария Ивановна, вы только что назвали мерзавцем сына уважаемого человека, областного депутата и шефа нашей школы. Петра Ильича, как и всю его семью, я знаю уже десять лет. Вы же у нас работаете первый год. Ваше поведение — это поведение типичной старой девы, которая падает в обморок при виде... не знаю, при виде чего вы там падаете в обморок. Его мать уже звонила мне утром. Вы умудрились оскорбить их семью своими грязными подозрениями. И теперь я вынуждена вас уволить. Прямо сегодня. Без отработки. И поверьте, с моей характеристикой в этом городе вам будет очень сложно найти работу.

Директриса помолчала, стряхнула пепел в заваленную бумагами урну и устало добавила:

— И где я буду искать замену в конце учебного года, накануне экзаменов? Глупая дура.

— Ольга Сергеевна, это же плеоназм, — тихо сказала я и, не прощаясь, вышла из кабинета.

В школьном коридоре, наполненном звонкими детскими голосами, накатил дикая слабость. Ноги подогнулись, и я почти упала на жесткий стул возле кабинета химии. Перед глазами все поплыло, возвращая меня во вчерашний день.

В пустом классе за первой партой, прямо напротив моего стола, сидела мать Никиты. Молодая, ухоженная женщина сложила руки на столешнице, словно прилежная отличница. На её узком белом запястье хищно поблескивал дорогой золотой браслет.

Помню, как трудно мне было начать. Я выдохнула и заговорила, изо всех сил стараясь держать голос ровным:

— Никита — очень умный мальчик, он развит не по годам и прекрасно справляется с заданиями. Я позвала вас не потому, что у него проблемы в учебе, — тут мои глаза сами собой опустились вниз, не выдержав её холодного, оценивающего взгляда. — В последнее время он странно себя ведет. Поэтому я захотела поговорить с вами как с мамой. Он... слишком повзрослел за последний месяц. Он считает себя взрослым... мужчиной. Он...

Я, как сапер на минном поле, осторожно подбирала каждое слово, боясь произнести страшную правду вслух.

Я не могла сказать ей прямо, что её четырнадцатилетний сын караулит меня после уроков. Что сначала он настойчиво предлагал проводить меня до дома, а позавчера подловил у самого подъезда и силой попытался поцеловать. С учетом его роста — он уже перерос меня на полголовы — у него это почти получилось. В тот вечер я испугалась. Накричала на него, потребовала прекратить этот бред и жестко напомнила о разнице в возрасте. И именно тогда я впервые увидела, как Никита умеет приходить в ярость.

С того дня стало только хуже. Мягкие ухаживания быстро превратились в домогательства — неожиданно развратные и циничные для четырнадцатилетнего парня.

Эту историю, обходя грязные подробности, я и пересказала его матери. В конце тихо, почти умоляюще добавила:

— Помогите, пожалуйста. Нам бы переключить его внимание. Придет время, он встретит достойную девушку и...

Я вздрогнула, когда мой рассказ прервался резким, громким лязганьем стула. Мама Никиты молча поднялась. Она не сказала ни слова, даже не взглянула на меня — просто развернулась, оглушительно хлопнула дверью класса и ушла.

Тогда мне пришлось отправиться домой, отложив решение проблемы до утра. Я наивно надеялась на помощь Ольги Сергеевны. А утром... Утром меня без объяснений вызвали на ковер и выставили вон.

И вот теперь я сидела на стуле в школьном коридоре и слушала в ушах собственный пульс.

— Мариванна, привет!

Узнав голос, я вздрогнула и подняла голову. Передо мной стоял худой, долговязый подросток в брендовых кроссовках и модных джинсах. Длинная челка перекрывала почти поллица. На одном плече он небрежно держал пустой рюкзак. Никита.

Не дождавшись моего приветствия, он ухмыльнулся:

— Уволили? Так тебе и надо. Тебе что, трудно ноги было раздвинуть? Дала бы — и работала бы дальше. Чего из себя изображаешь. Я-то знаю: все бабы — шлюхи.

Оглушительно зазвенел звонок на урок. Никита лениво помахал мне рукой и, смешавшись с толпой бегущих одноклассников, исчез за дверью кабинета.

Я плохо помню окончание этого дня. Секретарь молча выдала мне документы. Собирать вещи в учительской пришлось во время перемены, когда все коллеги были на месте. Я складывала свои вещи в оглушительной, звенящей тишине. На меня в изумлении смотрели больше десятка пар глаз.

Что эти люди думали обо мне сейчас? Наверное, решили, что я совращаю малолетних учеников... А что бы я сама подумала на их месте?

Сложив нехитрые пожитки в несколько мятых пакетов из супермаркета, я пошла к двери.

— До свидания, Мария Ивановна, — тихо пискнула на прощание молоденькая учительница музыки. Остальные промолчали, демонстративно уткнувшись в свои тетради.

Пока автобус вез меня домой, я вспоминала, как отчаянно мечтала устроиться в эту школу. Элитная, с передовым оборудованием и солидной доплатой педагогам за счет спонсорских взносов. Пожертвования от родителей здесь были обязательными, регулярными и очень крупными. На этом держался маленький школьный мирок со своими неписаными правилами и законами.

И вот не прошло и года, как меня вышвырнули. С волчьим билетом, с несмываемой черной меткой.

Придя домой, я прямо в одежде рухнула на кровать.

Что мне теперь делать? Куда идти? Как жить дальше?

Я пролежала в темноте несколько часов. К вечеру в раскаленной от мыслей голове внезапно назрел дерзкий, безумный план...

Глава 2

Наследство в черном парике

На следующий день я проснулась с первыми лучами солнца. Еще не было шести утра. Вскочила с постели, быстро сложила диван, освободив место для маневров в своей крошечной студии.

Полежать подольше или просто посидеть с чашкой кофе казалось невозможным. Действовать нужно было срочно. Без промедления. Я понимала: если позволю себе хоть на секунду расслабиться — распадусь на куски. А собирать меня будет некому.

И вот большой чемодан, лежа на полу, раскрыл свою пасть. Я принялась лихорадочно закидывать в него то, что хотела взять в новую жизнь: брюки, футболки, практичное белье, кроссовки, босоножки на плоской подошве. Единственное платье так и осталось висеть в шкафу. Я же не в отпуск еду — в эвакуацию.

Застегнула чемодан, выкинула остатки еды из холодильника, перекрыла воду. Теперь я была готова. Правда, еще не до конца понимала, к чему...

На автовокзале в будний день было немногочленно. — Мне, пожалуйста, один билет до Алексино и одно багажное место, — попросила я кассиршу, которая через пару минут протянула билет.

Усевшись у окна полупустого автобуса, я безучастно смотрела на дорогу. Пыльная окраина города сначала сменилась изумрудным полем, затем пошла вереница высоких елей, которые вскоре слились в сплошное темно-зеленое пятно.

Погода за окном стояла чудесная. На соседнем ряду пятилетний карапуз громко расспрашивал мать, как их встретит на даче бабушка и кошка Муся. Я отвернулась к стеклу. Меня в деревне давно никто не ждал. Наш старый коттедж опустел около семи лет назад. Всё это время вернуться к воспоминаниям не было сил.

Дом стоял нежилым. С дороги он недоверчиво взглянул на меня огромными панорамными окнами. Я сразу заметила, что краска на балконе сильно облупилась, а некогда яркий цвет стен потускнел и выгорел.

Калитка открылась без скрипа, и я оказалась во дворе. Прежде ухоженный, идеально подстриженный газон за эти годы превратился в дикий луг, заросший репейником и злой высокой крапивой. Морщась и стараясь не обжечь ноги, я кое-как пробралась через эти джунгли к крыльцу.

Внутри дома пахло сухим деревом, застоявшимся воздухом и пылью. Комнаты встретили меня гулкой, звенящей пустотой.

Единственное, что уцелело посреди огромной гостиной — большой белый рояль. Я не знаю, почему тогда, семь лет назад, его не вывезли кредиторы. Возможно, просто решили, что с тяжелым, громоздким инструментом слишком много возни.

Я обрадовалась ему как единственному выжившему старому другу. Смахнув рукой плотный слой пыли, открыла крышку и, даже не присаживаясь, прямо с дороги попыталась сыграть простую мелодию. Пальцы двигались с трудом, они казались каменными. Оно и понятно — в моей крошечной городской студии не было места не то что роялю, но даже компактному электронному пианино, поэтому я годами не практиковалась.

Звук клавиш взлетел к высокому потолку, заполняя пустой дом. Он был чистым, глубоким и до боли родным.

Во всех четырех спальнях, включая мою бывшую комнату, остались только голые стены. И лишь в библиотеке по-прежнему высились деревянные стеллажи с книгами, которые, как и старый рояль, никому не понадобились.

Я с тревогой заметила, что здесь подтекает крыша. Потолок пошел желтыми разводами, а стоявшее на верхней полке собрание научной фантастики безнадежно разбухло от влаги. Чуть ниже я увидела знакомую голубую обложку. Любимая книжка юности — романы Джейн Остин. Слава Богу, они остались невредимы. Я бережно прикоснулась пальцами к старому, чуть шершавому корешку.

Выжившие книги, уцелевший рояль и сам этот дом казались мне настоящим чудом после той катастрофы, которую перенесла моя семья.

История нашего краха была банальной, но от этого не менее горькой. Отец — некогда успешный и уверенный в себе предприниматель — в одночасье потерял бизнес. Кредиторы без жалости забрали почти всё имущество, за долги описали и вывезли всё, что имело хоть какую-то ценность. Дом остался как единственное жилье. Папа не вынес позора и умер. Мама ушла вслед за ним ровно через год.

Я слишком хорошо помню, какими счастливыми были дни в этом доме ДО. А теперь во всех углах звенела лишь глухая, пыльная тишина.

У самого окна, посреди заброшенного кабинета, я увидела большой деревянный сундук. Решив проверить, что уцелело внутри, я откинула крышку и натолкнулась на вещь, которую никак не ожидала здесь увидеть.

На самом дне лежал аккуратно сложенный, роскошный женский парик из длинных шелковистых черных волос и... кружевное белье. Я со стыдом разглядывала невесомые полоски дорогой ткани. У меня самой такого откровенного наряда никогда не было — с вызывающим вырезом снизу для любовных утех.

Совершенно обалдев от увиденного, я брезгливо швырнула находку обратно в сундук и с грохотом захлопнула крышку. Сердце бешено заколотилось в груди. Откуда подобная пошлость вообще могла взяться в доме моих строгих, интеллигентных родителей?!

Глава 3

Тайна панорамных окон

В бесцельных блужданиях по пустому дому незаметно растворились два часа. Голова разламывалась от нахлынувших воспоминаний, а пустой желудок настойчиво требовал еды.

Оставив входную дверь открытой — всё равно брать внутри было абсолютно нечего, — я вышла на улицу.

Наш дом, как странная архитектурная доминанта, гордо возвышался посреди традиционных бревенчатых изб. На фоне покосившихся деревенских заборов он до сих пор выглядел слишком франтовато и чужеродно. Виной всему был отец. После зимней поездки в Альпы он загорелся идеей построить настоящее шале — с пологими скатами кровли, просторными террасами и огромными окнами в пол. Пока шла стройка, местные жители всегда замедляли шаг возле нашего забора, разглядывая диковинное сооружение. Да и потом, сколько я себя помню, деревня без умолку обсуждала и сам коттедж, и его обитателей.

Я вспомнила, что за поворотом раньше был сельский магазинчик, и направилась туда. Он остался на прежнем месте, разве что старая деревянная вывеска сменилась на логотип популярного сетевого супермаркета. Но внутри, как и в моем детстве, по-прежнему пахло свежими булочками и сухой древесиной.

Пожилая продавщица сидела за стойкой на высоком табурете, склонившись над пальцами. Услышав шаги, она, не отрываясь от рукоделия, привычно поздоровалась и только потом подняла голову.

— Здравствуйте, тетя Нюра, — взглядевшись в её морщинистое лицо, тихо произнесла я.

Пока я разглядывала выставленные на витрине продукты, женщина отложила вышивку и замерла, пристально меня рассматривая.

— Маша... — наконец выдохнула она, и её глаза широко распахнулись. — Машенька Любавина! Вернулась-таки...

Пожилая женщина всплеснула руками, соскочила со своего табурета и принялась суетливо предлагать мне то свежую выпечку, то домашнее молоко, которое утренним рейсом привезли её знакомые фермеры. Все её действия сопровождалось громким оханьем и бесчисленными вопросами: как я, где пропадала, какими судьбами вернулась и что планирую делать дальше.

— Тётя Нюра, я насовсем приехала, — ответила я, складывая скромные припасы в свою сумку. — Буду дома заниматься. Там за семь лет крыша совсем прохудилась.

— Ишь, как расцвела, девка, красавица какая выросла! — Тётя Нюра на секунду замолчала, бесхитростно разглядывая моё лицо. — Замужем-то небось? Нет? Эх, жалко... Женихов-то хороших у нас в Алексино нет. Как же я переживала, Машенька, когда с твоими-то несчастье случилось! Такая ведь хорошая семья была. Как они с отцом друг друга любили, как берегли — загляденье просто. Ну ничего, главное — ты теперь дома.

Я благодарно улыбнулась и протянула ей пластиковую карточку. Тётя Нюра снова всплеснула руками и виновато запричитала:

— Ой, милая, терминал-то у нас опять заглохнул, со вчерашнего дня связь не ловит! Только наличку принимаю. Но ты забирай, забирай всё! Потом деньги занесешь, как в город выберешься. Ты же не чужая нам — своя.

Вместе с полной сумкой продуктов старая знакомая в придачу дала мне попользоваться стареньким, но мощным бензиновым триммером. Вернувшись домой, я наскоро съела пару бутербродов, запила их прохладным молоком и переоделась в рабочее. Накинув через плечо широкий ремень, я, сгибаясь от непривычной тяжести затарахтевшего инструмента, пошла воевать с зарослями.

Поначалу тяжелая техника не слушалась, но вскоре я приноровилась. Длинные, сочные стебли начали послушно ложиться перед моими ногами. Метр за метром я возвращала заросшему двору прежний, аккуратный вид.

— Машка! Это ты, что ли?! — сквозь натужный гул мотора до меня донесся пронзительный крик.

Я заглушила триммер. Гостья перестала надсаживать горло и бесцеремонно сгребла меня в охапку, обдав приторным запахом дешевых духов и чеснока.

Я с трудом отстранилась, смутно припоминая соседскую девчонку Катьку. В детстве мы никогда не дружили: ей нравились шумные казаки-разбойники, а мне — тишина и книги.

— Ну, колись, замужем? — Катька уперла руки в бока, бесцеремонно разглядывая меня. — Я вот уже двоих родила! Удивительно, конечно, что ты до сих пор в старых девках сидишь. Я-то думала, ты в своего отца пойдешь. Он тут, в Алексино, с бабами так зажигал — дым коромыслом! Мы пацанами всё в ваши огромные панорамные окна видели, гадали, как твоя мать его из дома не выгонит, — радостно захохотала Катька, демонстрируя крупные белые зубы.

Внутри у меня всё похолодело. Я мгновенно вспомнила утреннюю находку на дне деревянного сундука в кабинете, и к горлу подступила тошнота. Мерзкая догадка обожгла мозг. Как я умудрилась, живя в одном доме с родителями, ничего не замечать? Не зная, какая грязь здесь происходила...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.